

ТЕАТР

БОЛЬШЕ ВЗЫСКАТЕЛЬНОСТИ

(О последних работах театра им. Луначарского)

Спектакль „Профессор Бойн“ безусловно неудача. Театр выбрал примитивную и убогую не везде грамотную агитку, в которой с важным видом преподносятся истины из политграмоты Бердникова и Светлова. Автор (Н. Архипов) в каждой реплике (и положительных и отрицательных персонажей) с подозрительной и навязчивой настойчивостью расписывается в своей приверженности к советской власти. Желая возможно сильнее запутать интригу Архипов громоздит одну нелепость на другую и т. д. и т. п. Словом о качестве пьесы двух мнений быть не может.

Но дело не только в том, что театр выбрал для постановки плохую пьесу. Важно, что „Профессору Бойну“ предшествует ряд репертуарных и творческих неудач театра, важно, что „Бойн“ не исключение и как бы завершает собой некий творческий этап.

Мы помним спектакль „Миллион терзаний“, где пошлыми остротами, двусмысленными шутками и каламбурами, пахнущими уборной, пытались смешить и смешили зрителя. Было, наконец, поставлено несколько классических произведений („Коварство и любовь“, „Гроза“, „Царь Федор“), трактовка которых нас тоже никак удовлетворить не может. Все это и заставляет говорить о снижении идейно художественного качества работы театра.

Завоевав авторитет зрителя такими постановками, как „Бульчег“, „Бесприданница“, „Месяц в деревне“, „Дурак“, „Чужой ребенок“—актерский коллектив в последующих работах пошел не вперед, а назад.

Спектакли делаются по старинке—без всяких попыток нового, творческого истолкования классиков, делаются торопливо и небрежно, лишь бы как-нибудь развести актеров, чтобы они не сталкивались на сцене лбами. Все это в надежде, что пьеса вывезет, что Шиллер, Островский за себя постоят.

Спектаклям не хватает идейности, творческого горения, поэтому они не волнуют, не зажигают и забываются сразу после просмотра. Лишь четкий идейный замысел делает постановку цельной, дает ей принцип строения, определяет

и движет изобретательность режиссера, диктует последовательность эпизодов, определяет место каждого персонажа (а следовательно и актера) в спектакле.

Когда всего этого нет, постановка превращается в простое чтение текста (не всегда осмысленное), демонстрацию не отличающихся большим вкусом работ художника, показ костюмерных богатств театра и не всегда удачной работы гарикмахера.

Больше того, помимо воли режиссера, спектакль получает и весьма двусмысленное политическое звучание. Укажем хотя бы на спектакль „Вздор“, где требующее иронического раскрытия нить инженера Ногтева подается серьезно, не отрицается, а утверждает театром, укажем далее на неправильное освещение борьбы Шуйских и Годунова в постановке „Царь Федор Иванович“, где режиссер всю симпатию зрителя концентрирует на реакционной группе Шуйского.

Мы не хотим огульно хаять все последние работы коллектива возглавляемого режиссером В. П. Вольмаром. В разбираемых постановках имеются интересные актерские достижения, а спектакль „Профессор Бойн“ сыгран очень мешало, но все это нисколько не противоречит тому, что мы говорили.

Равнодушием и безидеиностью веет от последних спектаклей. И здесь нужно оговориться. Безидеиность—не значит отсутствие всякой идеи и политической окраски. Оно означает лишь отсутствие четкого идейного замысла, определяющего каждый шаг режиссера руководящего постановкой. Но как любил говорить Фр. Энгельс: „Никакой философии—тоже философии, и при том плохой“. Что отсутствие четкого творческого замысла приводит к неожиданным идейно-творческим результатам—этому свидетельство „Вздор“ и „Царь Федор“, о которых мы уже говорили выше.

Но и „Коварство и любовь“ пьеса, которую тот же Энгельс называл первой немецкой социальной драмой—поставлена до такой степени традиционно, в ладах славной, душеспасительной мелодрамы, что, смотря спектакль, трудно отделиться от мысли, что

на сцене дают пародию на захудалый провинциальный театр старого недоброго времени.

—Зрителю нравится,—говорят работники театра.—Вон смотрите, показывают они,—зритель валом прет, мы идем навстречу его запросам.

Но, во первых, зритель бывает разный, а во вторых, одно дело отвечать на лучшие запросы зрителя, воспитывать его вкус, а другое дело потрафлять эти запросы, идти на поводу у них. И последними своими работами („Миллион терзаний“, „Бойн“, „Коварство“, „Царь Федор“, „Гроза“) театр именно потрафляет, отвечает на худшие запросы, худшей части зрителя—обывателя, ищущего в театре двусмысленной и пошлой шутки, слазливой мелодрамы, пресловутого „буржуазного разложения“ и т. д. и т. п.

В общей массе трудящийся зритель нашего города—явно высказывает свое отрицательное отношение к тому что дает театр в последнее время. Об этом свидетельствует падение сборов.

—Репертуара нет—указывают работники театра.—поэтому приходится ставить второсортные вещи.

Но этим не оправдывается снижение качества классических постановок, а затем, мы думаем что преобладающее число зрителей предпочли бы двум таким пьесам как „Бойн“ и „Миллион терзаний“ одну постановку такой идейно и художественно доброкачественной пьесы как „Интервенция“ Славина. Думаю, что и материального ущерба не получилось бы. Скорей наоборот.

Мы с такой резкостью ставим вопрос о качестве спектаклей, по тому, что коллектив, руководимый В. П. Вольмаром, безусловно жизнеспособная, творческая единица, но последнее время он дает не то, что может дать, он снизил качество и предыдущие его работы (хотя и они далеко не идеальны) стоят на значительно более высоком уровне.

И мы вправе требовать от коллектива большей идейно-творческой вызыскательности, более самокритического отношения к своей работе без чего двигаться дальше будет невозможно.

Мих. Левин.